

Отмечая 72 года Вашей жизни и 50 лет Вашего творческого пути, мы радуемся Вашим успехам и желаем Вам, Сергей Александрович, долгого здравствования и плодотворнейшей работы во славу советской науки, во славу нашей великой родины!

Отделение истории и философии АН СССР *акад. А. М. Деборин*

Институт истории АН СССР *акад. Б. Д. Греков*

Институт истории материальной культуры *проф. М. И. Артамонов*

Институт языка и мышления АН СССР *акад. И. И. Мещанинов*

Государственный Эрмитаж АН СССР *акад. И. А. Орбели*

Ректор Ленинградского университета *проф. П. В. Золотухин*

Ректор Московского университета *проф. А. С. Бутягин*

Редакция «Вестника древней истории» *проф. А. В. Мишулин*

Академик Сергей Александрович Жебелев в развитии русской историографии по античности

Точность исторического анализа, основывающегося на фактах, устанавливаемых документально: такова основная характеристика исследовательских работ С. А. Жебелева, с которой, вероятно, согласится всякий, кто знает работы С. А. С молодых лет выработал С. А. в себе эти строгие научные навыки, и в дальнейшем он их лишь совершенствовал. У С. А. нет в этом отношении никаких шатаний, никаких отклонений в сторону: путь его ученой биографии являет картину прямой и ровной дороги, ведущей к вечно светящейся далеко впереди, каждый раз новой, научной истине. И прямолинейность этой дороги величественна и красива. Но если принцип научной работы у С. А. един, то круг его научных интересов очень обширен и чрезвычайно разнообразен. Уже с самого начала его ученой деятельности ясно определяются для нас три главные области его интересов: политическая история Греции, преимущественно эпохи эллинизма, античная религия и, несколько позже, классическая археология.

Его первая печатная работа «К истории диадохов», появившаяся в 1889 г., т. е. еще в студенческие годы С. А. (ЖМНП, 1889, Отд. кл. ф., стр. 13—32), занимается вопросами истории эллинистического периода, а вторая, напечатанная в следующем 1890 г. (там же, 1890, стр. 112—116) «Заметка о местонахождении авата в эпидаврийской святыне Асклепия», оперирует над материалом сакральных древностей. С 1893 г. появляются первые заметки С. А. археологического порядка («Женская голова из Аргосского Ирзона», там же, 1893, стр. 111—113) и начинается длинная серия его «Археологических хроник эллинского Востока», печатаемая им на страницах журнала «Филологическое обозрение». Сергей Александрович не только историк и не только филолог: он с самого же начала своей самостоятельной ученой деятельности, как исследовательской, так и преподавательской, был и археологом и историком искусства. Он читал лекции по истории искусства в Академии художеств, постоянно вел курсы и практические занятия по классической археологии в университете и вплоть до революции долгие годы был энергичнейшим секретарем Классического отделения Русского археологического общества и внимательнейшим ученым редактором изданий этого отделения. В «Записках» же Археологического общества (Новая серия, т. VI, стр. 369—429), еще задолго до того, как С. А. стал впоследствии секретарем Классического отделения общества, напечатана была в 1893 г. первая большая работа С. А. «Религиозное врачевание в древней Греции», представляющая экстракт из его обширного студенческого сочинения, где в связи с изучением обрядов ритуального сна на могиле героя рассматривалась также и ареталогическая литература античных чудес и сакральной практики храмовой терапии.

Исторический уклон постепенно получает у С. А. решительное преобладание и выражается в ряде специальных статей: «К истории образования после-клизеновских фил» (Сборник статей в честь Ф. Ф. Соколова, 1895), «Афины в конце III века до Р. хр.» (ЖМНП, отд. кл. фил., 1897, июнь, стр. 95—146 и октябрь, стр. 1—37) и другие, менее значительные исследования. Работы этого периода получают наиболее полное выражение у С. А. в обеих его диссертациях, магистерской и докторской. В магистерской, носящей заглавие «Из истории Афин» («Зап. ист.-фил. фак. СПб. ун.», ч. XLVIII, 1898, стр. XVI+365), С. А. ставил себе задачей проследить историю Афин за двухсотлетний период, начиная с 229 и кончая 31 г. до н. э., иначе говоря, с момента освобождения Афин от македонской зависимости вплоть до Актийской битвы. С. А. дал в этой книге образец исторического исследования, строящегося на тщательном изучении первоисточников: в основе вывода здесь почти всегда лежит эпиграфический документ, освещаемый, там где это бывает возможно, показаниями литературных текстов. Очень рельефно оттенил С. А. тимократическую тенденцию тех реформ, какие начали вводиться римлянами в афинский государственный строй вскоре после 146 г. и, несомненно, имели целью ослабление афинской демократии. А в той части работы, которая касалась эпохи конца III в., С. А. много пришлось потрудиться над установлением хронологии афинских архонтов, столь важной для уяснения последовательности событий этого времени.

Докторская диссертация С. А.—объемистый, в четыреста страниц, труд, озаглавленный «*Ἀχαΐκα*. В области древностей провинции Ахайи» (1903, стр. X+392, «Зап. Ист.-фил. фак. СПб. ун., ч. LXXI»),—состоит из ряда этюдов, занимающихся исследованием политического состояния Греции с середины II в. до н. э. до конца, примерно, III столетия н. э. С. А. удалось и здесь, в этой труднейшей и к концу минувшего века еще мало исследованной области, установить много новых и важных фактов. Он выяснил необходимость изменить основное положение Марквардта и Цумпта, поддерживавшееся в то время большинством исследователей, будто уже начиная с 146 г. вся Греция под названием Ахайи составляла часть провинции Македонии: во II в. до н. э. провинции Ахайи, обнимавшей всю Грецию, не было. С. А. выяснил, что война, закончившаяся в 146 г. разрушением римлянами Коринфа, не была войной римлян против греков вообще: она велась против ахейцев и соединившихся с ними беотийцев и халкидцев. Это было «*bellum Achaicum*», и, с точки зрения территориальной провинции Ахайю, первоначальное ее зерно, и составляли земли Коринфа, Фив и Халкиды, а затем и всей Беотии, и всей Евбеи, и если не всех, то значительной части общин, входивших в Ахейский союз в момент разрушения Коринфа. Эти-то территории, в качестве «*agri vectigales*», и были присоединены римлянами к провинции Македонии и поставлены в непосредственное подчинение ее правителю: «Свобода», т. е. право самостоятельной организации государственной власти, у греков после 146 г. не была отнята римлянами, и в течение всего республиканского периода греческие общины сохраняли свое самоуправление: разбирая материал эпиграфических памятников вплоть до времени Диоклетиана, С. А. не раз обращает внимание на то, что различные общины, входившие в состав позднейшей провинции Ахайи, пользовались самоуправлением и продолжали сохранять каждая свою особую политическую организацию. Оценивая, однако, изучаемые им явления по существу, С. А. показал на ряде примеров, как эта внешне устойчивая, политическая организация греческих общин постепенно теряла свое внутреннее содержание и становилась пустой, безжизненной формой.

За два года до докторской диссертации Сергея Александровича вышел в 1901 г. его большой археологический труд «Пантикапейские Ниобиды» в «Материалах» (№ 24), издававшихся Археологической комиссией. С. А. издал и рассмотрел 25 частью теракотовых, частью гипсовых рельефных фигур, «одностороню», служивших украшениями греческих деревянных саркофагов и найденных на северном Причерноморье. Эти фигуры иллюстрируют сюжет мифа о гибели детей Ниобы, убитых в наказание за ее гордость стрелами Аполлона и Артемиды. Работа представляет обстоятельное исследование, основанное на изучении чрезвычайно широкого материала античных изображительных памятников. С. А. выяснил время изготовления этих фигур, принадлежащих

эллинистической эпохе, определил сюжет каждой из них, сопоставил с другими произведениями искусства на аналогичную тему, в том числе со знаменитой флорентийской группой, и подробно остановился на вопросе художественного стиля пантикапейских «односторонок», основательно защитив свое принципиальное, совершенно правильное положение о том, что греческие пантикапейские мастера, украшавшие фигурами Ниобид поверхности саркофагов, вряд ли вдохновлялись памятниками статуарного искусства, а скорее всего искали для себя образцов в таких памятниках, где тот же сюжет гибели детей Ниобы «развертывался на одной плоскости»: «такими памятниками предпочтительно могли являться для них рельефы» (стр. 33). Путем сопоставления громадного археологического материала С. А. приходит к выводу, что сюжетная композиция всех этого рода памятников, видимо, стояла в зависимости от одного общего им всем оригинала, которым предположительно он считает описанный Павсанием знаменитый мраморный фриз, украшавший трон Зевса в Олимпии; подходили пантикапейские мастера к своему оригиналу, конечно, не непосредственно, а, вероятно, «при помощи каких-либо ходячих художественных пособий» (стр. 49).

«Ниобиды», магистерская и докторская диссертации и множество других, более мелких работ С. А. сделали его известным не только у нас, но и за границей: к началу XX в., примерно к 1905 г., С. А. — уже общепризнанный, с европейским именем, крупный русский ученый. Таким застаёт его и Великий Октябрь.

За первые два года революционного времени он попрежнему продолжает печатать привычного для него типа исследовательские статьи. Но начиная с 1919 г. С. А. в течение ближайших затем пяти лет ставит свою работу на совершенно новые и для него необычные рельсы: вместо специальных исследовательских статей, какие он до сих пор исключительно писал, он выпускает ряд общих очерков по истории Греции, Рима, начального христианства и классической археологии. Временно он отбрасывает все остальное и с увлечением отдается этой новой работе, которая его захватывает. Он сознает ее полезность и нужность и пишет не покладая рук: этими своими книгами, им быстро, одна за другой, выпускаемыми, он спешит навстречу той бурной жажде разнообразных знаний, какая после Великой Октябрьской социалистической революции все сильнее и сильнее захватывала стремительно ширившиеся круги читателей.

С 1925 г. С. А. возвращается к исследовательской работе, которую он открывает большой филологической статьей «Афина и Афины» в XXVI т. ЗВОРАО. Круг научных интересов С. А. остается попрежнему очень широким: в него входят и вопросы политической истории Греции и вопросы ее сакрально-правовой жизни, причем основным материалом исследования для С. А. попрежнему служат надписи. Параллельно с эпиграфическими занятиями он продолжает заниматься и археологией. Но ближайшим предметом изысканий С. А. в этот новый период его научной деятельности является северное Причерноморье, в дело исследования которого он вносит все свои обширнейшие познания и весь свой громадный научный опыт. Работы его идут здесь по разнообразнейшим направлениям, и тогда как иные из них занимаются изучением частных вопросов, другие дают широкие обобщения. Среди последних самой, быть может, важной является большая статья в ИАН за 1934 г. — «Основные линии экономического развития Боспорского государства». На основании надписей, текстов древних писателей и данных, добытых археологией, С. А. сделал попытку ближе установить специфику хозяйственной организации Боспорского государства как большой колониальной державы, отличавшейся совсем особым социально-экономическим укладом, основной характеристикой которого, видимо, служило преобладание крупной земельной собственности, находившейся в руках как местной, сравнительно немногочисленной, знати, туземной и греческой, так и самой правящей династии, что естественно влекло за собой создание больших рабовладельческих хозяйств, «при несовершенстве тогдашней сельскохозяйственной техники», замечает С. А. (стр. 596), «требовавших для своей эксплуатации наличия значительной рабочей силы». Отмечая широкое развитие хлебного хозяйства в Боспоре, С. А. подчеркивает организаторскую роль боспорских греков-купцов и близость к последним самих Спартокидов, наследственных боспорских архонтов и одновременно богачей, являвшихся не только «хлебными королями», но и «крупнейшими

коммерсантами» (стр. 606). С большой осторожностью обращается С. А. к вопросу о промышленном производстве Боспора, осуждая ту «недопустимую прямолинейность», с какой часто подходили в суждении о нем раньше, и указывая на невозможность, при современном состоянии археологического изучения «вещественных памятников, найденных в Боспоре и в его окружении», научно установить, какие же среди них следует относить за счет импорта и какие надо приписывать местному боспорскому производству (стр. 661), а в непосредственной связи с этой сложной проблемой С. А. выдвигает важный вопрос о том, откуда же добывалось Боспором необходимое для его производства «сырье» (стр. 665). Следя за исторической картиной развития боспорского хлебного экспорта, главным потребителем которого являлись Афины, С. А. очень убедительно и ясно показывает, как сначала на афинском рынке доминирует боспорский хлеб и как, затем, в эпоху эллинистическую, его импорт в Афины вдруг сокращается, так как у боспорского хлеба на античном международном рынке появляется к тому времени «сильный конкурент» — египетский хлеб, идущий большими массами в Грецию (стр. 669).

Рядом с обобщающими работами С. А. ведет исследования и по частным вопросам. Интересной, методологически и научно чрезвычайно ценной является его большая статья «О возникновении Боспорского государства» (ИАН, 1930, стр. 799), где С. А. производит полную ревизию старого вопроса о Боспорских Археанактидах. В порядке ученой «палиндозии» С. А. отказывается от своего прежнего, защищавшегося им в 1902 г. и принятого затем большинством исследователей гиперкритического отношения к свидетельству Диодора (XII, 31) об Археанактидах: начальную дату правления (480 г.) этой древнейшей, предшествовавшей Спартокидам, династии архонтов Боспора, он и теперь считает придуманной самим Диодором искусственно, но самое существование Археанактидов С. А. сейчас признает не подлежащим никакому сомнению. Археанактиды — историческая реальность. Открытые при немецких раскопках в Милете и опубликованные в 1914 г. надписи, содержащие списки милетских эпонимных магистратов, дают под 516/515 г. до н. э. имя Кизика, сына Археанакта.

Освещение древнейшего факта истории Причерноморья привлечением к нему материала, добытого раскопками в милетском Дельфинионе, является безусловно большой научной заслугой С. А.

Своим удачным сопоставлением он прочно установил милетское происхождение боспорских Археанактидов, ведущих свой род от исторического милетца Археанакта, без сомнения, основателя милетской колонии в Пантикапее. Указывает С. А. и на ту историческую обстановку ожесточенной борьбы двух политических партий или «гетерий» в первой половине VI в. в Милете: «богачей» (*πλοῦτῆς*) и «ремесленников» (*χειρωναχῆς*), которая, очевидно, и повлекла за собой основание новой колонии.

С. А. работает над историей не только Боспора, но и Ольвии и Херсонеса. Как известно, изучение как раз херсонесского документа — знаменитой надписи Диофанта — и привело С. А. к новому пониманию акта отречения последнего Боспорского Перисада от власти. Смелым, но, думается, безусловно верным является и предположение С. А. о том, что отречение это, политически столь выгодное понтийскому царю Митридату, поскольку оно отдавало в его руки весь Таврический полуостров, было Перисаду подсказано самим Диофантом, полководцем Митридата, защищавшим по приказу последнего Херсонес от скифов, и что между актом отречения Перисада и тем скифским восстанием, которое поднято было затем Савмаком, имеется внутренняя глубокая связь.

Текст того же херсонесского декрета в честь Диофанта, где (в строках 23 и сл.) говорится о херсонесской богине Деве, «вечной защитнице херсонесцев», которая во время похода Диофанта против скифского царя Палака «была и тогда вместе с Диофантом», внушил С. А. мысль о возможности по-новому истолковать загадочное слово «састёр» (*σαστέρ*), читаемое в так наз. «Херсонесской присяге». В одном из параграфов этой «присяги», строки 24 и сл., вменяется гражданину в обязанность «охранять для народа састер», т. е. нечто, что херсонесцам, без сомнения, было прекрасно известно, но что для

нас остается тайной, так как слово «састер» нигде больше не встречается, ни в литературных греческих текстах, ни в эпиграфических. Кроме Цингерле, который считал, что слово «састер» на камне вырезано по ошибке вместо «статер», названия распространенной в Греции монетной единицы, и Латышева, воздержавшегося вообще от каких бы то ни было догадок, почти все склонны были видеть в этом непонятном названии термин, обозначающий какое-то, ближе неопределимое, должностное лицо, что трудно допустимо, кажется мне, по соображениям фразеологического порядка: ожидалось бы в таком случае выражение, которое указывало бы на то, что речь идет не об единичном, определенном каком-то лице, а и о всяком будущем магистрате (например, τὸν ἀεὶ σαστήρα, а не просто τὸν σαστήρα, как это читается в надписи, ср. В. Латышев, *Почткá*, стр. 165). С. А. от предположений данного типа решительно отказался и усмотрел в «састере» местное греко-тавское название херсонесского кумира богини Девы, ее священного «ксоана», который, так полагает он, очевидно, сопутствовал и Диофанту в его походе на скифов в защиту города Херсонеса. Принципиально новую точку зрения устанавливает С. А. и на содержание всего документа в целом, в котором он склонен усматривать не текст нормальной присяги херсонеситов, как это до сих пор было принято думать, а текст политической чрезвычайной клятвы, составленной в конце IV или начале III в. до н. э. после каких-то, ближе нам не известных событий, а именно, как С. А. предполагает, после подавления попытки государственного переворота, имевшего, очевидно, целью ниспровержение в Херсонесе демократического образа правления.

Работы по Черноморью чередуются у С. А. с исследованием вопросов, связанных с политической историей и культурой собственной Греции. Множество интересных выводов, то частных и мелких, то широких и важных, дают и здесь его многочисленные статьи. Так, предложенное им восстановление надписи, фрагмент которой найден был в 1929 г. при греческих раскопках в Элевсине, следует бесспорно признать блестящим. Глубокое знакомство с последовательным ходом событий афинской истории V в. до н. э. и совершенно изумительное знание Фукидида дали С. А. возможность абсолютно точно датировать надпись не только годом, но даже месяцем (июль—август 431 г.) и предположительно восстановить всю пропавшую левую ее половину. Надпись получила определенный и точный смысл, совершенно иной, чем тот, какой думал ей приписать первый издатель фрагмента Куруниотис, относивший ее к событиям гражданской войны в Афинах в 401—400 гг. Она оказалась афинским декретом времени начала Пелопоннесской войны, регулирующим сношения жителей Элевсина с Афинами в связи с приведением Элевсина на военное положение и размещением в нем военных «сторожевых» постов, о которых говорится у Фукидида в 24-й главе второй книги.

Когда найдена была при африканских раскопках в Кирене замечательная надпись, содержащая новую, птолемеевскую, конституцию Кирены, С. А. тотчас же на нее откликнулся особой статьей («Киренская конституция». ДАН, 1929, стр. 78 сл.), в которой он подробно разбирает этот важный документ, причем ему удается довольно точно его датировать правлением Птолемея I и даже отнести к определенному отрезку времени, ближайшему к 322/1 г.

В другой небольшой заметке («Царь Кодр». ДАН, 1929, стр. 201 сл.) С. А., комментируя афинский декрет 418/7 г. (D i t t e n b e r g e r, *Sylloge*³, 93), истолковывает исторические причины, повлекшие за собой создание святилища Кодра в Афинах.

В том же 1929 г. С. А. выступил с небольшим по числу страниц, но глубоко продуманным и научно важным докладом о необходимости новой датировки так наз. «пеа на Исилла», стихотворной эпидаврийской надписи, упоминающей о царе Филиппе. В противоположность укрепившемуся в науке мнению Каввадии и Виламовица, будто упоминаемый поэтом Филипп не кто иной, как Филипп II, отец Александра Великого, С. А., возвращаясь к предположениям Блясса, Ф. Ф. Соколова и Диттенбергера, доказывает, что Филипп Исилла—это Филипп V. Иначе говоря, пеан Исилла, а стало быть, и совсем близкие ему по письму знаменитые эпидаврийские стелы необходимо относить не к концу IV или началу III в., а к значительно более позднему времени, именно

к концу III в. до н. э. Обзоревая события с 221 по 218 гг., С. А. с текстом Полибия в руках убедительно, а на мой взгляд, и неопровержимо, защищает свою датировку, выдвигая попутно и более общего свойства вопрос. «Принимаемая нами датировка педана Исилла расходится с общепринятою на целое столетие», замечает С. А. «Она, говорят нам, невозможна, так как характер письма надписи Исилла указывает именно на конец IV в. Но здесь возникает принципиальный вопрос: должны ли быть принесены в жертву характеру письма надписи исторические соображения, из нее вытекающие? По моему мнению, не должны—и это относится в равной степени не только к надписи Исилла, но и ко всякой иной греческой надписи» («Педан Исилла», ДАН, 1929, стр. 198). «Никакие ссылки на «эпиграфическую опытность», никакие высокие авторитеты, как бы заслуженны они ни были, не могут и не должны обессиливать исторических соображений»,—такими словами заключает С. А. свою статью (стр. 200).

Напомню, наконец, и совсем недавнюю, столь богатую содержанием статью С. А. «Парфенон в «Парфеноне», в ВДИ (1939, № 2), где С. А. так убедительно, думается мне, доказал, что Парфенон название свое получил не от сакрального прозвища богини Афины «Дева» (*παρθένος* — «девушка»), как это принято думать: официальное прозвище богини Афины, засвидетельствованное бесчисленным множеством афинских эпиграфических документов, было «Защитница Города» («Полиада»), и основная целла Акропольского храма богини, в которой стояла ее культовая статуя, называлась не Парфеноном, а «Гекатомпедом», название же «Парфенон», дословно «девичья», перешедшее впоследствии и на весь храм в целом, первоначально носило другое, находившееся в задней части храма и отделенное от Гекатомпеда глухой стеной помещение меньших размеров, в котором находилась ткацкая мастерская, отведенная афинским «девушкам», изготовлявшим священный пеплос богини.

Подробный перечень работ С. А. не входит, впрочем, в мою задачу, и мне хочется здесь отметить еще только одну черту, характерную для большей части эпиграфических статей С. А.: подводя читателя к разбираемому им документу, С. А. почти всегда снабжает греческий текст русским переводом. Это во многих отношениях очень ценно и, без сомнения, заслуживает большого внимания. Так, в статье «Милет и Ольвия» (ИАН, 1929) полностью переводится им текст договора между Милетом и Ольвией, относящегося, согласно датировке С. А., вероятно, ко времени, близкому к моменту осады Ольвии полководцем Александра Зопурионом в 331 г. В ДАН за 1929 г. им напечатан, опять-таки полностью, перевод Киренской конституции Птолемея I, представляющей такой исключительно большой интерес «для правильного уразумения политики первых диадохов в их отношениях к греческим государствам-городам, входившим в состав их владений на правах самостоятельных общин» («Киренская конституция», ДАН, 1929, стр. 77 сл.). Далее (там же, стр. 59 сл.), С. А. дан перевод текста афинского декрета 325/4 г. об отправке афинянами колонии в Адриатику. В ИАН за 1930 г., стр. 251 сл., издан текст и русский перевод восстановленной С. А. элевсинской надписи времени начала Пелопоннесской войны. Там же, за 1931 г., стр. 321, переведен на русский язык полностью текст чудотворных исцелений, вырезанный на стелах эпидаврийского святилища Асклепия, редчайший образец ареталогии, в равной степени интересный как историкам, так и фольклористам. Там же, за 1933 г., стр. 391 сл., С. А. дал русский перевод Киренского манифеста Птолемея Евергета—документ, типичный для характера взаимоотношений римского сената и эллинистических царей времени первой половины II в. до н. э. Русский перевод документа создает возможность использования статей С. А. не только специально античниками, но и более широким кругом научных работников, и в этом опять-таки нельзя, думается, не признать одного из тех немаловажных достоинств исследовательских работ С. А., которые повышают общественную ценность трудов С. А.

Переводческая задача и сама по себе всегда интересовала С. А. Им превосходно переведены «Пир», «Федр», «Критон» и некоторые другие диалоги Платона. И уж совсем излишне доказывать, каким надежным и незаменимым подспорьем каждому историку древности и в преподавательской и в научной работе служит прекрасно выполненный С. А. перевод «Политики» Аристотеля наряду с другим, таким же капитальным трудом С. А.—

переводом всего Фукидида, который он заново создал на основе старого перевода Мишенки.

Громадные знания и замечательный, выработанный годами неустанной работы, профессиональный навык быстрой ориентировки в гигантской общей и специальной литературе помогают С. А. знать всегда последнее слово и всегда ясно видеть профиль всего научного фронта. С. А. очень быстро и очень много читает, и сила его как ученого заключается, между прочим, также и в том, что он в совершенстве владеет как русской, так и западноевропейской научной литературой: ни одна монография, ни одна исследовательская статья по ближайшей его специальности или по смежной, появляющаяся в Советском Союзе или на Западе, не ускользает от его внимания. Он тщательно знакомится с каждой из них не за страх, а за совесть, руководимый не чувством обязанности, а чувством того живого, неподдельного интереса, каким С. А. горит к каждой научной новинке, к каждому, вновь открываемому в Греции ли, у нас ли, в Малой Азии или в Африке, памятнику античной культуры. Этот горячий, внутренний, живой интерес к каждому новому научному открытию, обличающий в академике Жебелеве подлинного ученого, заставляет С. А. стремиться возможно скорее добираться до публикации. Очень часто С. А. сейчас же отзывается на открытие. Новые надписи Элевсина, Аттики, Милета, Кирены—весь этот свежий приток нового научного материала, немедленно же по ознакомлении с ним, приводится С. А. в живую научную связь с другими известными ему памятниками, причем нередко сопоставляется им с данными Причерноморья. Так, Киренские эпиграфические находки, столь важные по богатству новых документов, вызвали целых три статьи С. А.: «Киренскую конституцию» (ДАН, 1929, стр. 77 сл.), «Плодородие Кирены» (там же, стр. 97 сл.) и «Манифест Птолемея Киренского» (ИАН, 1933, стр. 391 сл.).

Значение Жебелева для русской историографии по античности в полной мере определится, конечно, лишь позже, но в значительной мере открывается оно нам уже и теперь в том живом признании им ценности всякого вновь открываемого или научно устанавливаемого факта, сопоставляемого с другими, характерными для жизни античного общества, аналогичными фактами, которое так ярко горит в двигающемся вечно вперед его собственном научном опыте.

В течение 50 лет научно-исследовательской и педагогической деятельности акад. С. А. Жебелев оставил весьма солидный след в истории советской историографии по античности. Вот почему советская наука, печать и общественность отмечают заслуги этого старого русского ученого, как примерного исследователя, неутомимо работающего по изучению различных, во многих случаях еще невыясненных проблем древней истории.

Советская историография ждет еще новых и интересных работ от академика С. А. Жебелева.

Ив. Толстой

Роль акад. Сергея Александровича Жебелева в исследовании северного Причерноморья античного времени

Ведущая роль в изучении северного Причерноморья античного времени издавна принадлежала и сейчас бесспорно принадлежит русским ученым. В их среде Сергей Александрович Жебелев по праву занимает одно из первых мест. Его перу принадлежит целый ряд работ, проложивших новые пути в изучении северного Причерноморья или разрушивших заблуждения, которые мешали дальнейшему развитию науки.

По своим размерам эти работы обычно невелики. Для их стиля характерна исключительная, а подчас даже беспримерная, сжатость изложения. При этом почти каждая из этих научных миниатюр представляет собой образец одновременного использования исторических, филологических, эпиграфических и археологических приемов исследования. В этом искусстве всестороннего охвата материала—одна из типичнейших их особенно-